

Отзыв

на выпускную квалификационную работу магистра филологии Е.И. Мирошниченко «Письма Синесия Киренского: эпистолярный этикет и авторская индивидуальность».

Ознакомление с магистерской диссертацией Е.И. Мирошниченко показывает, что мы имеем дело с чрезвычайно интересным, оригинальным исследованием, выходящим, на мой взгляд, за рамки обычного представления о магистерской работе. В основе работы — проведенный с удивительным для молодого, начинающего ученого мастерством и тонкостью анализ огромного пласта греческой эпистографии позднеантичного и ранневизантийского периода (IV—V вв), и, прежде всего, — знаменитого собрания писем Синесия Киренского, язык и стиль которых, по весьма убедительной оценке магистрата, «может быть назван классическим литературным греческим языком поздней античности» (с. 70).

Разумеется, этому эпистолярному наследию посвящена значительная литература, по преимуществу зарубежная, исчерпывающе и критически использованная магистрантом. Однако, предшественники Е.И. Мирошниченко основное свое внимание, если не ошибаюсь, уделили изучению этих писем как исторического источника, отмечая, правда, всякий раз господство в них (с филологической точки зрения) т.н. «общепринятого эпистолярного этикета» (т.е. всякого рода риторических «клише», фигур речи, фразеологизмов, или, как выражается сам Синесий Киренский, ἀβολεσχία — болтовня, словоблудие). Именно проследить выход Синесия за рамки этого общепринятого эпистолярного этикета в самых разных типовых категориях писем и поставил целью своей работы наш магистрант, попытавшись (причем, весьма успешно) выявить «авторскую индивидуальность» в письмах Синесия, и искренность, иногда просто удивительную трогательность и даже трагизм, превращающий личное послание в своего рода исповедь (с. 130).

Магистрант демонстрирует хорошую филологическую подготовку, свободное владение этим трудным и специфическим материалом, применяет разнообразную исследовательскую методику, обнаруживает богатую эрудицию. Очень интересны его соображения о том, каким образом в состав сборников отбирались те или иные письма, и его вывод о том, что господствовавший тогда принцип собрания писем определенного автора «приближается к современной концепции публикации писем знаменитых Людей» (с.19). Мне, правда, кажется, что следовало бы обратить внимание на само понятие «издание» той или иной «книги», присылаемой в дар адресату, а, может быть, и самого собрания писем. Переводя προσοιυτέον словами «надо издать» (с. 100), Евгений Игоревич

чересчур осовременивает смысл выражения (все-таки προσφέρω может здесь означать «принести» книгу, представить ее).

Не меньшее внимание следовало бы уделить и упомянутому однажды Синесием для обозначения аудитории слова θέατρον (с.19). Этому явлению сейчас посвящена немалая литература, включая статью вашего покорного слуги (I.P. Medvedev. The so-called θέατρα as a form of communication of the byzantine intellectuals in the 14th and 15th centuries // Η επικοινωνία στο Βυζάντιο. Αθήνα. 1993, σελ. 227—235). Несколько странной мне представляется транскрипция греческих имен в русском варианте: Φοιβάμων = Фебамон (я бы все же назвал его Фивамон, да и Гипатию, скорее, Ипатией). Иначе, ведь, и самого Синесия пришлось бы называть Сюнезием Кюренес.

Работа написана хорошим литературным языком.

Подводя итоги сказанному, считаю, что представленная работа, являющаяся плодом большого труда, несомненно, должна быть оценена на «отлично». Было бы весьма желательно, чтобы автор, столь ярко проявивший свои исследовательские способности, имел возможность продолжить научную работу и по окончании магистратуры, в аспирантуре.

Доктор исторических наук,
член-корр. РАН

И. П. Медведев

И.П. Медведев

Подпись (и)	<i>И. П. Медведев</i>
удостоверяю	
Вед. инспектор по кадрам СПБИИ РАН	
<i>15 июля</i>	Р.Н. Панина 20 <i>15</i> г.